

Одна сцена вечером мне запомнилась ярче остальных. Мама была занята на кухне, а я пряталась в углу возле книжного шкафа, листая «Детский журнал с картинками». Папа вернулся с работы, когда открыл дверь, его первые слова были «Юань Юань».

Моя младшая сестра крикнула «папа» в ответ и радостно прыгнула в его объятия. Он подхватывал ее, подбрасывал высоко в воздух, а затем ловил, и они оба счастливо смеялись в гостиной.

Я спряталась в темноте, молча, тайно наблюдая за ними. Они играли в игры, рассказывали истории. Они с удовольствием смеялись. В течение часа никто не спрашивал, где я. Это чувство было такое, как будто я сидела в самом дальнем конце вселенной, вокруг меня была крошечная тьма, а одиночество и запустение наполняли все мое тело. В то время я, возможно, не понимала, что такое вселенная, или чувство желания показаться, но мне было слишком грустно, чтобы позволить себе уйти. Однако образ этого ребенка, свернувшегося в углу, крепко обхватившего себя руками, смотрящего на них, не мигая, жаждущего услышать, как родители зовут ее по имени, навсегда запечатлелся в моем сердце.

Только когда ужин был готов и мама накрыла стол, они вспомнили про меня и позвали меня на ужин. Я продолжала прятаться у книжного шкафа, дивана, угла комнаты и не выходила. Мне было обидно, и я думала, надуваясь: «почему они вспоминают обо мне только сейчас? Поздно, уже слишком поздно! Если бы вы позвали раньше, я бы с радостью выбежала, но сейчас не отвечу! Я просто не отвечу! Меня не ценят! Вы меня совершенно не цените!»

Мама открывала двери каждой комнаты, звала меня, но так и не находила. Они спрашивали сестренку, куда я подевалась, но эта глупая кроха только качала головой и ласково говорила: «Я играла со своими кубиками, я не знаю, куда она пошла».

Поскольку я была маленькой, сколько бы они ни искали, они не могли найти меня, забившуюся в угол, хотя я находилась в гостиной, у них на глазах. Поскольку мои родители не могли меня найти, они запаниковали, и забыли про еду. Они быстро нашли тетюшку по соседству, которая осталась присматривать за моей младшей сестрой, и, надев пальто, убежали в холодную и ветреную зимнюю ночь искать меня. Что касается меня, то я сидела в углу гостиной и тихо наблюдала, как все разворачивается.

У меня не было намерения создавать эту ситуацию паники, я просто очень не хотела отвечать им в тот момент, а потом, когда ситуация стала серьезной, я была напугана и не знала, что делать, поэтому пряталась.

Так продолжалось до поздней ночи. Позже, когда младшая сестра пришла забрать один из своих кубиков, который она уронила, она нашла меня. У неё было взволнованное выражение лица, и она сообщила обо мне, как будто она поймала шпиона со стороны врага.

Отец схватил меня, хотел ударить, но мама остановила его, чтобы спросить, почему я прячусь. Я пялюсь на большую руку отца и, потирая попу, кричу, даже не подумав: «Я не слышала как вы звали, смотрела картинки и уснула».

Моя первая же ложь спасла меня от удара.

—

За месяц до того, как мне исполнилось 6 лет, я пошла в начальную школу.

В то время правила относительно возраста поступления в школу были очень строгими. Вам не

разрешалось идти в школу, если вам еще не исполнилось 7 лет. Тебя не пускали, даже если тебе оставался месяц до семи. Мой отец использовал свои связи, чтобы устроить меня в местную начальную школу. Поскольку начальная школа находилась в ведении военных, прием был очень снисходительным.

Однако еще до того, как я закончила изучать пиньинь (латинизацию китайского произношения слов), я заболела туберкулезом и была вынуждена пропустить школу. После года выздоровления дома мои родители спросили меня, хочу ли я повторить первый год или перейти во второй. В то время дети дразнили любого, кто повторял год. Я вела холодную войну [сама с собой] и решительно сказала родителям, что хочу перейти во второй класс вместе с одноклассниками. Итак, мои родители разрешили мне перейти во второй класс.

Я была уже младше своих одноклассников и, не окончив первый класс, результат легко представить — мои оценки были очень плохими. Поскольку я была замкнутым и необщительным ребенком, а также с плохими оценками, я не была тем учеником, который нравился учителю. Поэтому я стала еще более замкнутой и нелюдистой, а мои оценки продолжали оставаться низкими.

Однако это не имело большого значения, потому что моих родителей не волновали мои оценки. Они не стали меня ругать за то, что я была последней или предпоследней в классе. Они только говорили, что пока я стараюсь, все в порядке, поэтому у меня не было особого стресса во время учебы. Если не считать моей надоедливой младшей сестры, которая заставляла меня завидовать, и моей стесненной и одинокой семейной жизни, моя жизнь была терпимой, поскольку у меня появился хороший друг — Гэ Сяо Фэй.

Гэ Сяо Фэй была номером один в классе [имеется в виду оценки]. Она была одиноким ребенком и очень завидовала мне из-за того, что у меня есть маленькая сестра, с которой я могла играть, тогда как я завидовала ей из-за того, что она единственный ребенок в семье. В средней школе, узнав о фундаментальной политике Китая в области планирования семьи на политических исследованиях, я даже обвинила Китай в том, что он не проявляет более строгости в обеспечении соблюдения национальной политики. [Она обвиняет страну в том, что она не ужесточила правило одного ребенка, поскольку в ее семье двое детей.]

Гэ Сяо Фэй очень любила поговорить, а я не любила говорить. Когда она была со мной, ей не нужно было беспокоиться о том, что другие вмешаются. Кроме этого, у нас было одно сходство: мы обе не любили возвращаться домой. После школы, когда все остальные ученики расходились по домам, мы все еще слонялись вокруг.

После регулярного пребывания вместе мы постепенно стали лучшими друзьями. Когда я была с ней, я иногда становилась такой же оживленной, как с дедушкой. Мы вместе ходили в школу и вместе ходили домой.

Когда мы были вместе, мы держались за руки, и она казалась моей настоящей сестрой. Даже когда у меня была конфета, я оставляла для нее половину. Она также была очень добра ко мне: если я чего-то хотела, она предпочитала не иметь этого сама и сохранить это для меня; когда я была недовольна, она изо всех сил старалась рассмешить меня; Мои руки были неуклюжими, поэтому я всегда работала медленнее, чем другие на уроках труда. Она всегда помогала мне завершить мою работу, а затем быстро шла и заканчивала свою.

Мы были как сиамские близнецы, желавшие всегда оставаться вместе.

Однажды после школы мы держались за руки и долго играли, не желая расставаться, но небо

уже темнело. Гэ Сяо Фэй сказала, что не хочет идти домой, и спросила, могу ли я остаться с ней, поэтому я пригласила ее к себе домой. Увидев, как я привожу домой маленькую подругу, родители отнеслись к ней очень тепло. Ночью мы спали вместе на одной кровати, лицом к лицу. Я впервые не чувствовала себя одинокой дома. Я чувствовала себя несравненно счастливой.

На следующий день после пробуждения я узнала от родителей, что Гэ Сяо Фэй не рассказала родителям о ночевке, что вызвало панику у ее семьи. Поскольку тогда не было телефонов, ее родителям приходилось ходить по домам в поисках ее, и они добрались до моего дома только около 2-3 часов ночи. Папа был очень недоволен тем, что Гэ Сяо Фэй солгала о том, что ее мама знала, что она приедет, но мама ничего не сказала и все равно приготовила нам завтрак. На следующий день Гэ Сяо Фэй была в плохом настроении, но на второй день вернулась в норму.

<http://tl.rulate.ru/book/109452/4088770>